Фенисно-ясно-сокол-перышко

Жил был купец, у купца было три дочери. Собирается купец на ярмарку и спрашивает своих дочерей: «Что вам купить?». Старшая говорит: «Купите мне на платье материи». Вторая говорит: «Купите мне шарф». Третья говорит: «Купите мне фенисно-ясно-сокол-перышко». Долго ли коротко ли ездил купец, приезжает домой. Этим дочерям привез, а той позабыл. Она стала плакать. «Ну не плачь, говорит. Я опять скоро поеду на ярмарку и привезу! Утешу тебя!».

Скоро опять собирался он ехать на ярмарку и спрашивает дочерей: «Что вам купить?». Первая говорит: «Браслеты», вторая говорит: «Серьги», а третья говорит: «Фенисно-ясно-сокол-перышко». Долго ли, коротко ли ездил, воротился. Этим привез, а меньшой опять позабыл. Она заплакала; он опять утешает ее: «Привезу, говорит, тебе, скоро, говорит, опять поеду».

Собрался опять ехать на ярмарку и спрашивает дочерей: «Что вам купить?». Первая говорит: «Атласные башмаки», вторая: «Кольцо», третья: «Фенисно-ясно-сокол-перышко». Долго ли, коротко ли ездил, возвратился и привез покупки всем трем дочерям.

Вот меньшая и стала все с этим перышком постоянно в спальне сидеть. Вот сестры-то ее и говорят между собой: «Что это такое значит? Что она там разговаривает? Подслушаем», — говорят. А перо-то было волшебное: то был царский сын. «Давай, — говорят сестры-то, — сделаем между собой вечер, позовем ее к себе и попотчуем ее всякими напитками, вином». Вот и пригласили ее и напоили пьяной. Пошла она в свою спальню и заснула крепким сном. Сестры-то ее вошли в ее спальню, на окне, куда прилетал фенисно-ясно-сокол-перышко, натыкали ножей. Он прилетает к ней, изрезался ножами и видит, что она спит и написал своею кровью: «Если ты меня любишь, то ищи меня за тридесять земель в тридесятом царстве».

Проснулась она, увидала и от горя начала плакать и стала проситься у отца искать фенисно-ясно-сокол-перышко. Он ей долго не позволял, она его упросила. Он ее отпустил. Пошла она в кузницу, заказала трои чоботы железные, три прута железные и три просфиры железные. Сделал ей кузнец трои чоботы железные, три прута железные и три просфиры железные, и пошла она.

Шла, шла, шла, чоботы избила, прут изломала, просфиру сглодала. Подходит к избушке, а избушка стоит на курьих ножках, повертывается. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась. Вот она взошла в избушку, а там баба-яга из угла в угол перевертывается: одной губой пол стирает, а носом трубу закрывает (У ней нос с Перевицкий мост!). «Фу, фу, фу, говорит, бывало русского духу слыхом не слыхать, видом не видать, а нынче русский дух на ложку садится и в рот катится. Что, красная девица, дело пытаешь или от дела лытаешь?». — «Бабушка, не столько от дела лытаю, сколько дело пытаю». — «Зачем же, говорит, сюды пришла?». — «Да вот что, бабушка. Было у меня фенисно-ясно-сокол-перышко, было да улетело». — «О-о! Это мне родственник! На вот тебе серебряное блюдечко и золотое яблочко — само катается. Ступай и дойдешь ты до такой же до кельи, к моей двоюродной сестре, она тебе путь покажет. Я, говорит, зла, а она еще злее меня. Прощай, не медли!». Пошла, шла, шла, шла. Чоботы избила, прут изломала, просфиру изглодала. Подходит, видит: стоит избушка на курьих ножках, повертывается. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом!». Избушка поворотилась. Она вошла. Там баба-яга из угла в угол переметывается, одной грудью печь заметает, а другой трубу закрывает. Она зубами заскрипела: «Фу, фу, фу! Бывало русского духу слыхом не слыхать, видом не видать, а нынче русский дух на ложку садится и в рот валится». Девушка устрашилась и низехонько поклонилась. «Что ты, красна девица, дело пытаешь или от дела лытаешь?». — «Не столько, бабушка, от дела лытаю, сколько дело пытаю». — «Ты не сказывай мне, я все, говорит, знаю!». Дает ей гребень золотой, серебряное намыко и золотое веретенце — само прядется. «Этим, говорит, ты дойдешь, прощай! Там моя двоюродная сестра; я зла, а она еще злее меня!».

Вот она пошла, шла, шла, шла, чоботы избила, прут изломала, просфиру изглодала. И подходит она к избушке; стоит избушка на курьих ножках, повертывается. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом!». Вот избушка повернулась, она и взошла. В избушке баба-яга, костяная нога, железный у ней нос, в потолок врос, лежит, отдувается. «Фу, фу, фу! Бывало русского духу слыхом не слыхать, видом не видать, а нынче русский дух на ложку садится и в рот валится. Что ты, красная девица, дело пытаешь или от дела лытаешь?». — «Не столько, бабушка, от дела лытаю, сколько дело пытаю. Было у меня фенисно-ясно-сокол-перышко, улетело оно от меня!». — «Плохо же ты думала о нем. Он мне племянник». Дала она ей золотые пяльца, серебряную иголку — сама шьется. «Этим ты дойдешь до него. Иди! Тут вот недалеко это царство. Тут есть кусточки, ты ляжь под

кусточки. Он поедет на охоту с охотниками, собаки набегут на тебя, и ты будешь в его царстве». Вот она поблагодарила и пошла.

Шла, шла, шла, последние чоботы избила, последний прут изломала, последнюю просфиру изглодала. Видит: в виду у ней кусточки. «Должно быть, что они!». Дошла она до кусточков, легла под них, слышит лай ужасный от собак. Охотники думали, что зверь какой, скачут, прискакали и видят красну девицу и докладывают царю фенисно-ясно-сокол-перышку: «Куды прикажут ее определить?». Царь сказал: «На задний двор к старушке». Отправили ее туда.

У старушки она все выспрошала: фенисно-ясно-сокол-перышко женился. Пошла она до пруда, видит: девка-чернявка моет рубашку, в которой фенисно-ясно-сокол-перышко изрезался, и никак не может ее отмыть. Она и видит, что это его рубашка и говорит: «Дай, голубка, я тебе отмою». Взяла рубашку и начала над ней плакать. Плакала, плакала и все до одного пятнышка отмыла. Девка-чернявка понесла рубашку к царице похвалиться. Та ее похвалила.

И попросила эта, что отыскивала фенисно-ясно-сокол-перышко, у царицы позволенья садиться против дворца с редкостями, вынесла столик, поставила против дворца, вынесла блюдо и золотое яблоко — само катается. Царица высылает девку-чернявку спросить: «Что, продажные или заветные и что завету?». Она отвечает: «Заветные, а завету: с фенисно-ясно-сокол-перышко ночь переспать!». Она согласилась. Царь приезжает, царица угостила его допьяна и положила его в кабинет. Впустила и эту девушку, она ему плакала, плакала, щипала его, рассказывала все. А он от пьяна ничего не слыхал. Приходят те часы, высылают ее вон.

На другой день царь встает и поехал на охоту. Она взяла опять золотой гребешок, серебряное намыко и золотое веретенце — само прядется. Поставила против дворца. Царица прельстилась, опять высылает девку-чернявку: «Поди, спроси: продажные или заветные?». Она говорит: «Заветные, а завету: с фенисно-ясно-сокол-перышком ночь переспать». Царица согласилась. Царь приезжает с охоты, царица опять его угощает. Царь удивляется: «Недаром у меня тело болит». Сам не столько пьет, сколько мимо льет. Приходят те часы, пошел царь в кабинет, не хотел спать да и заснул. Впустили и эту девушку. Вот она опять плакала, щипала его, а он не слышит, спит мертвым сном. Утром и высылают ее вон.

На третий день царь опять поехал на охоту. А она вынесла золотые пяльцы, серебряную иголку — сама шьется, поставила против дворца. Царица прельстилась, опять высылает девку-чернявку: «Поди, спроси: продажные или заветные?». Она говорит: «Заветные, а завету: с фенисно-ясно-сокол-перышком ночку переспать». Царица согласилась. Царь воротился, царица стала его угощать, а он притворился, будто спит. Стал ждать, что будет: «Что такое: у меня тело болит и что меня все царица поит?». Девушку впустили. Тут они друг другу обрадовались. Тут он все выслушал от нее и так же плакал, как и она. Перед утром притворился, будто спит. В те часы ее выслали.

Вот утром царь встал, поехал на охоту, а между тем велел собрать царей, богатырей на бал. Все съезжаются на бал, а царица ничего не знает, к чему этот бал. Съехались все, сели за стол. Вот царь и говорит: «Послушайте, добрые гости! Которая для меня жена вернее: которая меня за редкости продает или которая шла, отыскивала меня, трои чоботы износила, три прута изломала, три железных просфиры изглодала?». И велел редкие вещи подать в зал. Тут все в один голос закричали, что та жена, которая трудилась до кровавого поту. Тут он приказал привязать ее к сивому жеребцу к хвосту и приказал по полю размыкать. А с этой тут же свадьбу задал. Потом в ее отечество поехал к ее отцу; царь обрадовался, что она жива и за эдакого замуж вышла.

(Село Жолчино Рязанского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.